Елена Аркадьевна Тахо-Годи

АЛЕКСЕЙ ФЁДОРОВИЧ ЛОСЕВ – ФИЛОСОФ-МОНАХ

23 сентября 2018 года исполняется 125 лет со дня рождения великого русского мыслителя Алексея Фёдоровича Лосева.

Родился будущий философ 10 сентября (по старому стилю) 1893 года в городе Новочеркасске, тогдашней столице донского казачества. Именины Алексей Фёдорович отмечал 18 октября, в день памяти митрополитов Петра, Алексия, Ионы, Филиппа и Ермогена, святителей Московских и всея России чудотворцев. Крестил его в храме Михаила Архангела собственный дед, настоятель храма протоиерей Алексий Поляков (1834–1900). Поляковы, видимо, принадлежали к потомственному духовенству. Дьякон Григорий Поляков служил в слободе Завязка Хопёрского округа Области Войска Донского, где была построена и в 1803 году освещена одноэтажная и однопрестольная деревянная церковь Вознесения Господня. Его сын, Алексей Григорьевич, окончил в 1857 году Воронежскую духовную семинарию, женился на Евдокии Алексеевне Житенёвой (1834–1900), был рукоположен архиепископом Иоанном (Доброзраковым) и начал своё служение в 1858 году в станице Тепикинской Урюпинского района Волгоградской области. В 1874 году отца Алексия перевели в Новочеркасск, и в 1876 году он был назначен настоятелем Михаило-Архангельского храма.

Дочерей своих — Наталью и Марфу — отец Алексий и Евдокия Алексеевна воспитывали строго. Религиозная атмосфера, царившая в доме, отложила неизгладимый отпечаток на девочек. Муж Марфы Алексеевны, Стефан Власов, с 1889 года служил, а потом стал в станице Каменская настоятелем Покровской церкви, считавшейся на Юге России второй по величине после Новочеркасского собора. Отец Стефан был крёстным маленького Алёши. Здесь, в Каменской, мальчик проводил каникулы в играх с двоюродными братом и сестрой Николаем и Марией, плавал в Донце, скакал на лошадях. Да и как казаку без коня, тем более, когда в роду у тебя немало настоящих героев. Отец бабушки, Алексей Евдокимович Житенёв (1797–1839), совсем юным ушёл на войну 1812 года, участвовал в «Битве народов» под Лейпцигом, а за участие во взятии Парижа был награждён орденом святого Георгия и получил потомственное дворянство. В русско-турецкую войну 1822–1829 годов он дослужился до звания сотника.

Так что неудивительно, что его потомок, Алексей Лосев, чувствовал себя не просто философом, но и духовным воином, призванным отстаивать духовные идеалы. Жизнь предков Алексея Фёдоровича была неразрывно связана с Церковью — и это не случайный факт его биографии: именно здесь коренится его глубокая религиозность. Как писал митрополит Антоний Сурожский: «Мы все являемся продолжением предыдущих родов: бывает, что целый род поколений готовит веру, которая расцветает в одном человеке».

Храм Михаила Архангела. Новочеркасск

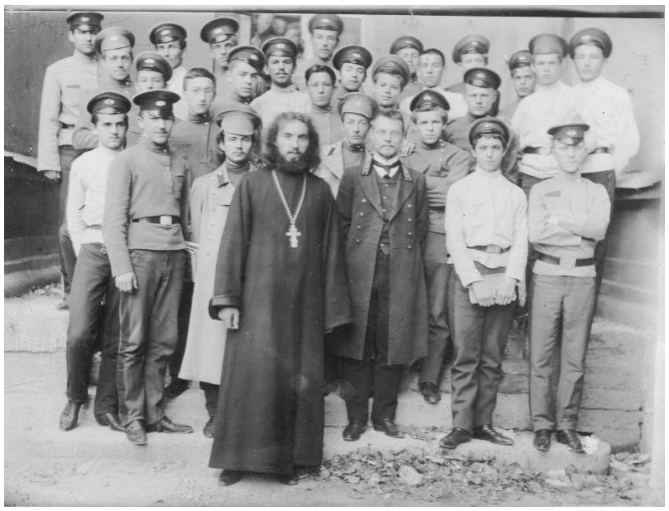
Благочестие и набожность были свойственны Наталии Алексеевне, его матери, хотя её брак с Фёдором Петровичем Лосевым (1859–1916)

не был счастливым. Муж оставил семью, когда маленькому Алёше было всего три месяца. Его отец преподавал математику в младших классах гимназии, служил архивариусом Донской духовной консистории, получил чин надворного советника. Но служба его тяготила. Окончив Петербургскую придворную капеллу, где готовили дирижёров, хормейстеров и регентов, он с бо́льшим удовольствием дирижировал вальсы Штрауса в городском саду или управлял церковным хором. Епархиальное начальство поручило Фёдору Петровичу регентовать Войсковым певческим хором, — принимая во внимание то, что он «редкий знаток церковной музыки», которую исполнял «в строго церковном духе», «придавая религиозный характер даже народным мотивам», и к тому же «знаток церковного Устава». За выступление Войскового хора в мае 1887 года в присутствии императора Александр III с супругой Марией Фёдоровной, он получил в награду золотой перстень, украшенный бриллиантами и розами.

Однако больше своей скрипки и церковного пения Фёдор Петрович любил вино и женщин. Как считал сам Алексей Фёдорович, именно от отца он унаследовал «вечное искательство и наслаждение свободой мысли и бытовой несвязанностью ни с чем», внутренний артистизм, любовь к музыке, математике, церковному пению, колокольному звону. А мать, с её «строгими и моральными установками», с её «полной погружённостью в старый устойчивый быт», по его собственным словам, воспитала его «в христианском духе, научая жить, как велел Христос, и трудиться во благо ближнего».

В Новочеркасской классической гимназии религиозному возрастанию мальчика очень способствовал выпускник Киевской духовной академии отец Василий Чернявский, преподававший Закон Божий. Возможно именно под его влиянием летом 1909 года гимназист VI класса Алексей напишет свою первую статью «Атеизм, его происхождение и влияние на науку и жизнь» (опубликована лишь в 1991 году). И, конечно, участие в службах в гимназической домовой церкви святых Кирилла и Мефодия, где Алёша пел в церковном хоре. Именно здесь началось становление его духовной жизни.

Алексей Лосев с матерью Натальей Алексеевной. Новочеркасск



Учащиеся новочеркасской гимназии с преподавателем о. Василием Чернявским. А.Ф. Лосев в очках, слева от о. Василия. 1910-е гг.

И жизнь эта складывалась очень непросто. Став в 1911 году студентом историко-филологического факультета Московского университета, занимаясь изучением философии и античности, молодой человек всё чаще стал задумываться о жизни. Одним из близких учителей Алексея в это время был преподаватель Московского университета, известный богослов Иван Васильевич Попов, в 2003 году причисленный как новомученик к лику святых.

Часто размышлял он и о той, которая смогла бы стать ему спутницей жизни. Убеждённый, что наука «без любви — уродство», Алексей ищет ту, что разделила бы его духовные идеалы. Он считал, что не следует «делать жизнь так, как все, не читая *вместе* Фета, Гёте, Шиллера, Вагнера, не вдохновляясь вместе Бетховеном, не исповедуясь вместе перед одним священником, не любя вместе православной древней Руси, которая ещё теплится в Чудовом, в Успенском, у Иверской, не уметь *вместе* совместить Вагнера и славянофилов... Нет, скучно будет жить с таким человеком, скучно и жутко думать о таком *вместе*; тогда и в одиночку я сделаю больше, чем *вдвоём*»...

Ту, которая окажется готова понести с ним крест семейной жизни, Лосев, наконец, встретит в роковой революционный 1917 год. Эту высокую сероглазую девушку, любящую математику и музыку, готовящуюся стать астрономом, звали

Валентина Михайловна Соколова (1898–1954). Гимназисткой она каждое утро перед занятиями заходила в часовню Страстного монастыря помолиться, грустила о том, что ждёт её обычная женская доля — брак, дети, быт, а ведь девочкой она мечтала пережить то, что и первые христиане, — записывала в свой детский дневник: «Господи, дай Бог, чтобы меня преследовали и мучали». И, судя по всему, детские молитвы её были услышаны.

Валентина Михайловна Лосева (Соколова). 1920-е

К браку они шли долго — целых пять лет. Алексей хотел, чтобы она не просто подчинилась ему, но и внутренне выросла. Ведь он предлагает ей особый брак — духовный. Для него всё более и более ясно, что единственно верный путь — это путь веры. Но Лосев не бросает и науку — в 1919 году становится профессором в Нижегородском университете (здесь в 1921 году он прочтёт доклад «О религиозном воспитании»), преподаёт эстетику в Московской консерватории.

25 мая 1922 года, в день Вознесения Господня, отец Павел Флоренский венчает Алексея Фёдоровича и Валентину Михайловну в Ильинском храме в Сергиевом Посаде. Теперь в их доме на Воздвиженке возникает обитель трудов и молитв, теперь есть у них общий духовный отец — афонский монах архимандрит Давид (Мухранов), он учит их Иисусовой молитве — сначала по пять минут, следуя правильному дыханию, а потом и дольше, и «на сердце» переводит. Назначает Валентине Михайловне молиться только вслух, чтобы молитва «шла по всем суставам»: 300 молитв Спасителю, 200 — Богоматери, 30 земных поклонов — Христу, 20 — Богородице.

Ходят супруги в храм к священномученику Сергию Мечёву на Маросейку, в арбатскую церковь Николая Чудотворца в Плотниках (настоятелем там был протоиерей Владимир Воробьёв), но свой храм — это храм Воздвижения Креста Господня (здесь служил отец Валентин Свенцицкий) рядом с Арбатской площадью. Здесь Алексей Фёдорович управляет левым клиросом, прислуживает со своим другом А.Б. Салтыковым в алтаре, звонит в колокола. Ездят они с Валентиной Михайловной и в паломничества по монастырям: в Саров и Дивеево, в Гефсиманский скит Троице-Сергиевой лавры, в Борисоглебский Аносин монастырь (на исповедь к иеросхимонаху Досифею (Шонину) — в 1936 году он погиб в Карагандинских лагерях), в Зосимову пустынь. Схиигумен Митрофан (Тихонов), — его, как и священномученика Сергия Успенского, служившего в храме Преображения Господня на Песках на Арбате, изобразил Павел Корин на своей знаменитой картине «Русь уходящая», — поселяется у Лосевых на Воздвиженке, служит у них на дому.

Но жить духовной жизнью становится всё труднее — советская власть широко развернула антирелигиозную пропаганду, закрываются храмы и монастыри. Сознание того, что «жить церковно-свободно при этой власти» невозможно, приводит к мыслям о необходимости «уходить в пустыню» или «идти на подвиг исповедничества». И хотя душа просится в монастырь, но навсегда разлучаться друг с другом тяжело. Так рождается идея «монастыря в миру». И вот 3 июня 1929 года архимандрит Давид совершает тайный монашеский постриг с именами Андроник и Афанасия. С этого времени и до самой смерти Лосев носил маленькую чёрную шапочку — монашескую скуфейку, сшитую Валентиной Михайловной. Имена их были выбраны неслучайно — антиохийские святые V века преподобные Андроник и Афанасия тоже жили в супружестве как брат с сестрой, но став монахами, вынуждены были расстаться; через 12 лет святая Афанасия, переодетая иноком, поселилась в келье Андроника и прожила, не узнанная супругом, ещё 12 лет рядом с ним, вплоть до своей кончины: лишь после смерти преподобной оставленная ею записка раскрыла Андронику её тайну. Так и тайна о монашестве четы Лосевых была раскрыта лишь после их смерти — в 1993 году.

А.Ф. Лосев. 1929 г.

В 1920-е годы они пытаются сопротивляться

уничтожению Церкви или её советизации. Они придерживаются позиции священномученика Серафима (Звездинского) и его друга епископа Арсения (Жадановского), поддерживают тесные связи с насельниками Данилова монастыря во главе с архиепископом Феодором (Поздеевским), с ныне причисленным к лику новомучеников Михаилом Новосёловым. (Подробнее о церковной жизни семьи Лосевых в 1920-х годах можно прочитать в вышедшей в 2007 году в серии «Жизнь замечательных людей» биографии мыслителя).

Как и архимандрит Давид, Алексей Фёдорович был приверженцем имяславия — учения об особом почитании имени Божиего, религиозно-философского течения, сложившегося в начале XX века, но имевшего глубокие корни в православной мысли Византии — в исихазме и в сформулированной в XIV веке святителем Григорием Паламой учении о различении нетварных энергий Божиих и Его непознаваемой сущности и о возможности приобщения к этим энергиям. Диалектическому обоснованию имяславия и будет посвящена его первая книга — «Философия имени» (1927), хотя из-за цензуры в ней нет ни одного упоминания о Боге.

Как религиозному мыслителю, создавшему собственную философскую систему, Лосеву было невыносимо молчать. В начале 1930 года он выпускает книгу «Диалектика мифа», где противопоставляет различным «относительным мифологиям» (научным, материалистическим, марксистским и прочим) православно-ориентированную «абсолютную мифологию».

18 апреля 1930 года Алексей Фёдорович был арестован, вскоре арестовали Валентину Михайловну и схиигумена Митрофана (он погибнет в лагерях; а архимандрит Давид по милости Божией скончался в возрасте 90 лет незадолго до арестов). Выпуск антисоветской «Диалектики мифа» — лишь повод: главное обвинение — участие в названной ОГПУ организации «Истинно-православная церковь» наряду ещё с тремя десятками интеллигентов, духовных и светских лиц. Лосева приговаривают к 10 годам лагерей и отправляют на Север, на строительство Беломорско-Балтийского канала. Валентину Михайловну ссылают на 5 лет в алтайские лагеря.

«Замучают за исповедание Христа. И только хочется, чтобы уж скорее, а главное, чтобы дал Бог силы перенести с мужеством, не отречься при всем ужасе мук и умереть во Христе», — записала Валентина Михайловна перед арестом. Это сознание помогает принять ниспосланные испытания с радостью. Неслучайно переписка Лосевых тех страшных времён при издании в 2005 году была так и названа «Радость на веки». В одном из писем из лагеря Алексей Фёдорович напишет жене: «Мы с тобой за много лет дружбы выработали новые и совершенно оригинальные формы жизни, то соединение науки, философии, духовного брака и монашества, на которое мало у кого хватило пороху и почти даже не снилось никакому мещанству из современных учёных, философов, людей брачных и монахов. Соединение этих путей в один ясный и пламенный восторг, в котором совместилась тишина внутренних безмолвных созерцаний любви и мира с энергией научно-философского творчества, это — то, что создал Лосев, и никто другой, и это то, оригинальность, глубину и жизненность, чего никто не может отнять у четы Лосевых».

Валентина Михайловна и Алексей Фёдорович Лосевы — заключенные Белбалтлага. 1933 г.

Бог милостив к любящим Его — и разлука, и заключение оказались для супругов не столь долгими: Валентину Михайловну переводят на строительство Беломорско-Балтийского канала, а в 1933 году оба попадают в число нескольких сотен заключённых, выпущенных на свободу в связи с окончанием строительства. Но непросто начинать жизнь заново, оставаясь тайными монахами в стране победившего социализма: Алексею Фёдоровичу запрещено заниматься философией, на работу «врага народа» брать боятся. Наконец в 1944 году он получил постоянное место профессора в Московском педагогическом институте — правда, преподавать разрешили самое далёкое от филосо-

фии — греческий язык и общее языкознание.

Стали сказываться проблемы со здоровьем, подорванном в лагерях: начав слепнуть ещё на лесоповале, к концу 1940-х годов Лосев полностью потерял зрение. Здоровье Валентины Михайловны тоже было ослаблено — в 56 лет она умрёт от рака крови. Но впереди их ещё ждали ужасы военных лет, уничтожение при бомбардировке Москвы квартиры на Воздвиженке, переселение в необжитой арбатский дом, голод и холод. В неотапливаемом здании, среди пострадавших от бомбёжки книг и рукописей Алексей Фёдорович напишет при свете коптилки рассказ о презрении к смерти, где скажет, что перенести земные ужасы человек может лишь памятуя о небесной Родине, освящающей и жертвенные страдания всякого человека, и всю его жизнь. Эта вера освящала и жизнь самого Лосева.

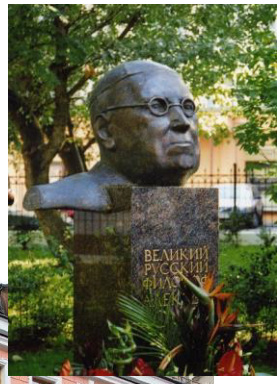
Все годы Алексей Фёдорович совершал монашеское правило, вычитывал службу по памяти. В 1960-е годы Лосева духовно окормлял игумен Иоанн (Селецкий, † 1971), в своё время окончивший философский факультет Геттингенского университета в Германии. В годы хрущёвских гонений тот был вынужден покинуть Почаевскую лавру и жил с подпиской о невыезде в деревеньке на окраине Кременца в маленькой хибарке и совершал службы у себя дома. Исповеди ему и ответные письма передавались приватно. Лично они встретились в Москве лишь один раз в 1970 году. Своим собеседникам Лосев говорил: «Моя церковь внутрь ушла. Я своё дело сделал, делайте вы теперь своё дело, кто помоложе. Я вынес весь сталинизм, с первой секунды до последней на своих плечах… И у меня не отчаяние, а отшельничество. Я как Серафим Саровский, который несколько лет не ходил в церковь».

Алексей Федорович Лосев. Последняя фотография

24 мая 1988 года в день памяти любимых святых — просветителей славянских Кирилла и Мефодия — закончился земной путь Алексея Фёдоровича. Он был похоронен на Ваганьковском кладбище рядом с Валентиной Михайловной. Незадолго до кончины он продиктует (ибо по слепоте в течение почти пятидесяти лет он вынужден был именно диктовать сотни научных текстов) своё последнее слово — «Реальность общего: Слово о Кирилле и Мефодии», где скажет: «Иной раз где-то в глубине души у меня звучит таинственный голос, и я слышу пение церковного тропаря, возвещающего мою подлинную реальную общность: “Яко апостолом единонравнии и словенских стран учитилие, Мефодие и Кирилле богомудрии, Владыку всех молите мир вселенней даровати и душам нашим велию милость”».

В Новочеркасске на стене его любимой гимназии была установлена созданная известным скульптором В.М. Клыковым мемориальная доска, а его бюст помещён перед храмом Михаила Архангела; также было принято решение о присвоении его имени новой улицы Новочеркасска; в 2013 году была учреждена памятная юбилейная медаль Донской митрополии имени Алексея Фёдоровича Лосева.

В Москве на Арбате в 2004 году была открыта Библиотека истории русской философии и культуры «Дом А.Ф. Лосева», а в 2006 году был установлен памятник в его честь. Но главный памятник мыслителю — это его книги: об истории античной эстетики и эстетики Возрождения, о Платоне и Владимире Соловьёве, о проблеме символа, о философии языка, о философии имени Того Слова, Что стало плотью.



Библиотека истории русской философии и культуры «Дом А.Ф. Лосева». Арбат, дом 33